

Генрих Аверьянович Боровик родился в Минске, но прожил там всего две недели. Свое появление на свет в столице Белоруссии называет «техническим рождением». Просто его родители оказались там на гастролях. Отец Генриха Авиэзер Абрамович был главным дирижером Театра музыкальной комедии, а мама Мария Васильевна Матвеева — артисткой, пеала и танцевала. Люди творческой профессии, свободолюбивые, они в загсе не расписывались, а жили по принципу: «Если мы любим друг друга, то бумажка нам не нужна, а если не любим, то и она нам не поможет». И расписались только в 1945 году, когда Генриху исполнилось 16 лет и ему нужно было получить паспорт.

— Какой же город вы считаете своей родиной?

— После нескольких лет блужданий по свету мы осели в Пятигорске. Здесь я и провел все школьные годы, за исключением того короткого промежутка времени, когда Пятигорск на несколько месяцев оккупировали немецкие захватчики и семья вынуждена была уехать в Среднюю Азию. Вот Пятигорск и есть моя родина.

Отец и мать являются основателями Пятигорского театра музыкальной комедии. О чем свидетельствует мемориальная доска, укрепленная на здании. Театр был хороший, интересный. А сам Пятигорск научил меня многому, и прежде всего интернационализму, потому что там жили люди многих национальностей. Моим близким другом был Махмуд Эсамбаев, который начинал свою карьеру в балете Театра музыкальной комедии. Мама говорила: «Махмудик, ты будешь великим танцором». В 1944 году, когда чеченцев и ингушей депортировали с родных мест, театр его отстоял, и он остался в Пятигорске. Но потом он сам, видимо, чтобы разделить судьбу своего народа, добровольно уехал в Среднюю Азию. Он был замечательным парнем, и мы с ним дружили до самой его смерти. Он умер за месяц до гибели Артема. У меня было 70-летие, а Махмуд как раз лежал в больнице. Но он прямо с больничной койки пришел ко мне на юбилей...

С Пятигорским театром у меня связана одна потрясающая история. Где-то в 70-х годах в Болгарии я случайно познакомился с нашим дипломатом. Мы разговорились, и он рассказал о том, как во время войны был ранен в позвоночник и лечился в Пятигорском госпитале. Операцию ему делал известный хирург Богораз, который сказал: «Жить ты будешь, но ходить вряд ли». Но парень не хотел мириться с этим и однажды снова спросил у врача: «Неужели ничего нельзя сделать?» Хирург ответил: «Таких лекарств, чтобы вылечить тебя, нет, но напротив госпиталя находится Театр музыкальной комедии. Пусть твои друзья на носилках, на руках, как угодно каждый вечер носят тебя туда. Я договорюсь, чтобы тебе там было место. Ты смотри «Сильву», «Марицку», «Свадьбу в Малиновке» и, может быть...»

Не знаю, сколько времени носили друзья раненого в театр, только оперетта сделала свое дело. Смех и хорошее настроение подняли его на ноги. И тогда я, волнуясь, спросил дипломата, не помнит ли он фамилию кого-нибудь из актеров. Он отвечает: «Ну, как же, я хорошо помню, была такая Мария Васильевна Матвеева». Моя мама! Представляете, что для меня это значило!

Недавно я побывал на 65-летию театра. И когда прямо в зале рассказал эту историю, актеры чуть не плакали.

— Постоянное общение с музыкой, театром не могло пройти бесследно. Родители не готовили вас в музыканты?

— Я учился играть сначала на скрипке, потом на фортепиано, но не в музыкальной школе, а с преподавателем. В восьмом классе создал в школе джаз-ансамбль. И с этим «джазом» мы ходили по госпиталям Пятигорска, выступали перед ранеными, пели «Раскинулось море широко» и другие популярные песни. Но дальше этого дело не пошло.

— Говорят, вы были вундеркиндом.

Генрих Боровик: МОЕ КРЕДО — ЧЕСТНО ИСПОЛНЯТЬ СВОЙ ДОЛГ

ГЕНРИХУ БОРОВИКУ НЕДАВНО ИСПОЛНИЛОСЬ 75 ЛЕТ.
ГЛЯДЯ НА «ЖИВУЮ ЛЕГЕНДУ РОССИЙСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ»,
ПОВЕРИТЬ В ЭТО ТРУДНО

— Трудно сказать, но учился на одни пятерки, усиленно изучал английский и немецкий языки. Мне это было интересно. Школу окончил с золотой медалью. Кстати, из этой же школы вышло немало известных людей — к примеру, Сергей Михалков, Александр Солженицын. Родители купили мне билет на поезд, и я поехал в Москву — поступать в МГИМО. Через пять лет, холодным летом 1952 года, с «красным» дипломом окончил этот вуз. После чего стал работать в международном отделе журнала «Огонек».

— Помните свою первую командировку?

— В 1954 году в Венгрию, потом были Польша и Китай. Это были тогда «горячие точки». Я ездил с фотожурналистом Дмитрием Бальтерманцем. И хотя сам умел фотографировать с детства, но тут уже учился мастерству. Он был гениальным учителем. Потом были Вьетнам, Бирма, Суматра, Индонезия, где шли настоящие бои. Там я был единственным иностранным журналистом, которому разрешили находиться в стране. После той командировки в «Огоньке» вышла целая серия моих очерков. Я даже написал небольшую повесть. Однажды кто-то из коллег принес мне «Вечернюю Москву» с кроссвордом, в котором я прочитал: «по горизонтали — талантливый молодой журналист, автор очерков об Индонезии». В ответе стояла моя фамилия — Боровик. Тогда я пошутил: вот когда увижу «Боровик» по вертикали, буду считать, что жизнь удалась на все сто процентов! Но я, кажется, так и не дождался этого.

А ту повесть я попросил прочитать Сергея Владимировича Михалкова. Он быстро ее прочел, позвонил и сказал: «Слушай. Никакая это не повесть!» Я сразу скис. Но он тут же добавил: «Это — готовая пьеса.

Ее только надо переписать... И неси в театр!» Я спрашиваю: «В какой?» Он: «В тот, который ближе к дому!» И я понес в театр на Малой Бронной, который тогда возглавлял Андрей Александрович Гончаров. Пьесу взяли. Вскоре она уже шла под названием «Мятеж неизвестных». Там играли замечательные актеры — Броневой, Тенин, Волков.

Вдохновленный такой удачей, я собрался было писать пьесы и дальше, но тут произошла революция на Кубе, и я помчался туда. Эта революция меня очаровала. Фидель Кастро, Че Гевара, который подарил мне свой берет... Как всякая революция, особенно в начале, она перезаряжает твои аккумуляторы: ты воодушевляешься и веришь в лучшее будущее человечества.

— Говорят, там вы познакомились с Эрнестом Хемингуэем. Как это вышло?

— Анастас Иванович Микоян посещал его с неофициальным визитом и взял меня. Коротко обо всем не расскажешь, но минут через тридцать мы были с Папой (так на Кубе звали писателя) на «ты». Я спросил Хемингуэя, не разрешит ли он мне задать ему два-три вопроса, он ответил: «Хенри! Какие два-три?! Вы же еще здесь остаетесь? Я вас приглашаю на рыбалку, там и поговорим». И мы действительно отправились с ним на рыбалку. А потом Роман Кармен (с которым к тому времени, несмотря на значительную разницу в возрасте, мы стали друзьями) предложил мне сделать с ним фильм о Кубе, и мы создали «Пылающий остров». Я был автором сценария.

— Когда-то вы еще и женились успели...

— Это — необыкновенная история. Я как раз вернулся из Вьетнама. Моя будущая жена Галина Михайловна к тому времени окончила

педагогический институт, преподавала историю в школе. Мне было 26 лет, а ей — 23 года. У нас с ней был длинный, продолжавшийся почти год телефонный роман. Мы не видели друг друга, только разговаривали по телефону. И все это благодаря моему приятелю, который сказал, что на вечеру в пединституте он увидел удивительной красоты девушку. Но она вся из себя такая, что... Однако ему удалось достать номер ее домашнего телефона. Только подруги предупредили: она не вступает в беседу, как только услышит чужой голос, тут же бросает трубку. Мы поспорили на бутылку коньяка, что у меня получится ее разговорить. Я выиграл, но он должок так до сих пор и не отдал. Мне до сих пор кажется, что я женился на самой красивой девушке Москвы. 28 июля 2005 года отметим золотую свадьбу. В 1956 году родилась наша дочь Мариша, в 1960-м — Артем.

— В 1966 году вы на долгие семь лет уехали в США. Чем там занимались?

— Одной из самых запомнившихся встреч в Нью-Йорке стала встреча с бывшим главой Временного правительства Александром Федоровичем Керенским. Ему тогда исполнилось 87 лет. Я понимал, что если запрошу у Москвы разрешение на интервью, то мне его не дадут. Я разыскал номер телефона Керенского и позвонил. Он обрадовался, что кто-то из Советского Союза им заинтересовался, и пригласил в гости. Я взял с собой жену: ей как историку это было интересно, и мы пошли к нему домой. Мы провели у Керенского прекрасных три часа. Он оказался нормальным, порядочным человеком, патриотом России. Но сразу же попросил нас: «Ну скажите там, в Москве, пусть они перестанут писать, что я бежал в

женском платье! Я уезжал в своей одежде. И все мне отдавали честь, даже большевистские солдаты». Я рассказал об этом Бондарчуку, снимавшему тогда фильм «Красные колокола». Так у него Керенский уезжал из Зимнего в своем френче. Историческая справедливость возторжествовала.

Очерк о Керенском я написал и отдал в «Литературку». Но его, что-то путано мне объяснив, не печатали.

— А как вы познакомились с Папой Римским?

— В 1987 году меня избрали председателем Советского комитета защиты мира (СКЗМ), вице-президентом Всемирного совета мира. И тут к нам поступило приглашение от Папы Римского направить к нему для аудиенции небольшую делегацию нашего СКЗМ. Такое случилось впервые за всю историю папства, царской России и СССР. Видимо, Папе о нас рассказала мать Тереза, с которой у нас сложились хорошие отношения. Мы помогли ей открыть несколько сестринских постов в наших детских больницах. Папа принял нас очень дружелюбно. Это была теплая человеческая беседа. Понтифик интересовался, что идет у нас в театрах, как живут люди. Вместо положенных для аудиенции 15 минут мы пробыли у него 45! Под конец я спросил его: «Ваше Святейшество, а что, трудно быть Папой Римским?» На что он мне, подперев щеку, сказал: «Ой, трудно, Хенрик!» Но поняв, что на такой ноте заканчивать беседу нельзя, хлопнул меня по плечу и произнес: «Трудно. Но с Божьей помощью можно!»

— Вы много колесили по миру. Не было желания уехать из России совсем?

— Никогда. Куда? В Израиль? По еврейским законам я не еврей, потому что у меня мама русская. Да к тому же я воспитан в русской среде и на русской культуре. У меня друзья самых разных национальностей. Не в нации дело, а в человеке, его душе. Моя родина здесь, в России.

— Не знаю, как вас спросить о сыне Артеме...

— Меня всегда спрашивают, как мне удалось воспитать такого сына, как Артем. Когда мы летом жили на снятой даче на Пахре, он видел, кто к нам приходил в гости. Заходит, например, Константин Симонов и говорит: «Ну, что, старик-Боровик, сколько ты сегодня написал страничек?» Или Роман Кармен, Юрий Нагибин, Михаил Ромм, Зиновий Гердт... Какие прекрасные люди были! Сережа Антонов (это автор «Дела было в Пенькове») жил напротив нас. Однажды Тема приходит, ему было лет пять, ест яблоко и произносит: «А почему все говорят, что антоновские яблоки самые лучшие, у Солодаря тоже хорошие».

У меня с Артемом очень много совпадений — и трагических, и счастливых. В 1982 году он, как и я, окончил МГИМО. Так как он хорошо учился, то его распределили по высшему разряду — в МИД. Но он отказался и пошел в журналистику. Когда мне было 27 лет, вышла моя первая книжка в библиотеке «Огонек» под номером 45. Навероятно, но первая книжка Артема тоже вышла в библиотеке «Огонек» под номером 45, и ему тоже было 27 лет. Мы оба ездили по «горячим точкам». В Афгане я в общей сложности находился месяца четыре. И Тема там был несколько раз. Это стало очень серьезным испытанием и очень большим рывком в его жизни.

Я потом узнал, что Артем пробился к начальнику генштаба маршалу Ахромееву и попросил его дать ему письменное разрешение на участие в боевых действиях. Журналистам такого документа никогда не давали. Но, пользуясь тем, что меня хорошо знали, Темка на вопрос маршала: «А отец знает?» — соврал, что да, конечно же, знает. И тогда Ахромеев дал разрешение. Артем и в разведку ходил, и десантировался, и в засаде сидел...

Из Афганистана он приехал другим, изменившимся, почерневшим. Днем отсыпался, а поздно вечером включал «Реквием» Моцарта и всю ночь писал. Он первым написал честные очерки об этой войне, о ее бессмысленности.